

*Посвящается моей племяннице,
Роуз Тейлор*

ПРОЛОГ

Она умерла. Она говорила, что никогда меня не бросит, но бросила. Говорила, что никогда не полюбит никого так сильно, как меня. Говорила, что я для нее — целый мир. Она много чего говорила, только все ее слова — ложь.

Она умерла.

Лгунья.

Джесси

Жить было бы гораздо проще, будь я социопатом — очаровательным манипулятором и патологической лгуньей. Мне было бы все равно, о чем сейчас говорят Дэнни, Онор, Джефферсон, Мэг и Майло на противоположной стороне бассейна. Их лица скрыты тенями, над головами — чернильное покрывало ночного неба. И уж точно я бы не переживала, что они обсуждают меня. А самое существенное преимущество социопатов — безразличие к общественному мнению. Жизнь не причиняет столько боли, когда тебе на всех плевать.

— Кто хочет окунуться?

Онор, около часа нежившаяся в объятиях Дэнни на лежаке, изящно высвобождается и встает, затем скидывает шлепанцы, стягивает футболку и вылезает из узких шорт, виляя бедрами. Совершенно гладкая поверхность бассейна отражает подсветку отеля и крошечные точки от фонарей. Онор ныряет, почти не создавая брызг; под водой виднется ее силуэт с вытянутыми руками и длинными светлыми волосами. Вскоре к ней присоединяется Дэнни и пытается обнять за талию, однако она вы-

скальзывает, как рыбка, и, вновь ныряя, плывет на противоположную сторону бассейна.

— Мэг? — зовет Онор, появляясь из воды всего в нескольких шагах от меня, ее звонкий голос эхом отдается от стен. Время уже позднее, поэтому тихо беседующая неподалеку пожилая пара неодобрительно фыркает. — Майло, Джефферс! Идете? Сыграем в водное поло!

Затем ее взгляд падает на меня, и выражение лица меняется: на место беззаботного веселья приходит неловкое сомнение — стоит ли позвать и меня? Я невольно поправляю длинные рукава кофточки. Вообще-то я обожаю плавать — в конце концов, не зря меня взяли в региональную сборную. Тем не менее с тех пор как мы сюда приехали три дня назад, я еще ни разу не залезла в бассейн.

— Вы идите, ребята, — кричу я остальным, — я посмотрю.

С самого нашего рождения почти каждое лето родители возят нас на совместные каникулы. В этом году мы отдыхаем в Таиланде — разношерстная компания британских подростков, вынужденных дружить только потому, что семнадцать лет назад наши родители оказались в одной группе для подготовки к родам.

Отношения в нашей компании с годами менялись. В возрасте пяти-шести лет мы с Онор были не разлей вода, Мэг же предпочитала играть с мальчишками — со своим братом-близнецом Майло, Джефферсом и Дэнни. К подростковому возрасту она стала проводить больше времени с нами, и таким образом наша компания разделилась на девочек и мальчиков. Все изменилось с наплывом

гормонов, Онор с Дэнни начали встречаться, а мы с Майло... Хм, даже не знаю, как описать наши отношения. Мы нравились друг другу, только наши чувства не совпали по времени: сперва я ему нравилась, а он мне — нет, потом наоборот. Влюбленными нас не назовешь, скорее «недовлюбленными», и все же наши отношения отличаются от того, что связывает меня с Дэнни или Джефферсоном.

Если расставить совместные летние поездки по степени паршивости, то эта окажется где-то рядом с базой отдыха в родной Англии, куда мы ездили, когда нам было по три года и Дэнни наложил кучу в углу сухого бассейна для малышей. Да, мы были совсем маленькими, тем не менее в памяти навечно отпечаталось воспоминание о теплой какашке, которую я случайно задела рукой. Поход на Шотландских островах в двенадцатилетнем возрасте тоже выдался неважным — без остановки лил дождь, а я поскользнулась и вывихнула лодыжку, когда до машины нужно было идти еще целый час.

Поймите меня правильно, Таиланд реально потрясающий. Тут невероятно улыбчивый и дружелюбный народ, отличная еда, улицы оживленные, а от пейзажей просто дух захватывает. Да, здесь жарко и душно, тем не менее лучше уж мокнуть тут от пота, чем дома под дождем. Нет, проблема вовсе не в стране и даже не в нашем потрясающем отельном комплексе. Проблема в том, что такие каникулы больше не для меня. Ребята не знают, как вести себя рядом со мной, а я уже даже не помню, какой была прежде. Я не в состоянии расслабиться, разучилась дурачиться, а если начинаю смеяться,

сразу накрывает удушающая волна вины. Мне всего семнадцать, а чувствую я себя на все девяносто.

— Мисс Харпер? — Я вздрагиваю, когда из-за спины внезапно появляется Майло — засмотревшись на Дэнни, безуспешно пытающегося поднять Оноп над головой, я не заметила, как он отошел от столика, за которым сидел вместе с сестрой. Мэг сильно изменилась за последние годы: некогда шумная, открытая девчонка-сорванец, обожающая соревноваться, теперь стала замкнутой и необщительной — если и заговаривала, то только чтобы отпустить колкость.

— Мистер Катсарос? — Я прячу руки под стол и натянуто улыбаюсь; сердце бешено колотится в груди. У них с Мэг одинаковые угольно-черные кудри, только у нее они спадают на плечи вороньим гнездом, а у него сбритые виски и хохолок. Их фамилия с греческого означает «кудрявый», и вся их семья выделяется потрясающей шевелюрой.

— Я в бар. — Он вытягивает ко мне руку, словно намереваясь дотронуться, и я в ужасе застываю. К счастью, он лишь опирается на спинку моего стула и кивком головы указывает на мой давно допитый стакан безалкогольного мохито: — Принести еще?

Я невольно оглядываюсь на Мэг, которая наблюдает за нами издалека, сторбившись и облокотившись на колени. Будь Майло в меня влюблен, она бы не обрадовалась. Естественно, кому в жизни нужны такие проблемы?

Если ты будешь во мне нуждаться, я повернусь к тебе спиной. Если захочешь поговорить, я убегу. Если полюбишь меня...

Внутри заныло, будто надавили на синяк, и я машинально шипаю чувствительную кожу на запястье, пока боль в руке не затмевает боль в груди. Пусть я не социопат, все же у меня есть свои методы отключать эмоции. Вообще я хочу научиться полностью их контролировать — работа пока в процессе, но когда-нибудь я обязательно добьюсь своего.

Я вновь поворачиваюсь к Майло:

— Нет, спасибо. Скоро спать пойду.

В его взгляде мелькает нечто похожее на разочарование.

— Ты в бар? — кричит из бассейна Дэнни, подбросив Онор. Та вскрикивает, прежде чем плюхнуться в воду, создав волну брызг. — Я с тобой! Проголодался. — Он ждет пару мгновений, когда вынырнет его девушка, и спрашивает: — Тебе что-нибудь принести?

Онор убирает волосы с лица и отвечает:

— Можно лимонад.

— А коктейль не хочешь? Бармен не смотрит на возраст.

— Не-а, не хочу.

Майло медленно подходит к бортику, Дэнни выбирается из бассейна, и они лениво бредут к бамбуковому бару, окруженному пальмами. Проводив их взглядом, я вновь поворачиваюсь к Онор, которая уже подплыла к бортику рядом со мной и сложила руки на плитку.

— Все нормально? — спрашивает она.

Я напрягаюсь. Мне уже проще справляться с утешительными сообщениями по «Вотсапу» или в соцсетях, однако когда дело доходит до сочувствия лицом к лицу, глаза моментально наполня-

ются слезами. К счастью, ребята пока не пытались меня разговорить. Помимо неловких коротких фраз типа: «Сожалею о случившемся, Джесси» — в день прибытия, никто не заикается о причине, по которой моя семья пропустила совместную поездку в Норфолк в прошлом году. И лично меня такое положение дел вполне устраивает.

— Нормально. Жарковато только.

Онор понимает намек и покорно меняет тему:

— Майло принесет тебе чего-нибудь выпить?

— Нет, я ничего не хочу.

— Ох... — Она передергивает плечами. — Я тоже. Даже не знаю, зачем попросила лимонад.

В этом году Дэнни как-то особенно усердно пытается угодить Онор — то бегаёт в номер за какими-то вещами для нее, то массирует ей плечи, а когда ей не понравился жареный окунь, которого она заказала на обед, предложил свое блюдо, хотя сам не любитель рыбы.

С легкостью подтянувшись и усевшись на бортик, Онор спрашивает:

— С нетерпением ждешь завтрашней поездки на остров?

Несмотря на духоту, меня пробирает дрожь.

— Не то чтобы... А ты?

Она передергивает плечами.

— Целая неделя без интернета и вообще электричества, чистой одежды и мягкой кровати? Эта поездка будет либо самой ужасной в жизни, либо самой потрясающей. — Она машет рукой на противоположную сторону бассейна, где, уткнувшись в книгу, сидит Джефферсон: — Этот замороженный Крокодил Данди аж ссытса от предвкушения.

Я не сдерживаю усмешки. Джефферсон Пейн последние пару лет помешан на походах, охоте, рыбалке и в целом выживании в диких условиях. Сам он невысокий, субтильный и носит огромные очки, тем не менее считает себя неким героем боевиков вроде Рэмбо. Читая групповой чат в «Вотсапе», я легко могу представить, как каждый вечер после школы он сидит у себя в комнате и обтачивает рукоятки ножей или плетет колючую проволоку из гигантского мотка. Конечно, у всех свои хобби и интересы, тем не менее довольно странно видеть парня, живущего в современном доме в благополучном районе и посещающего частную школу, который одержим подготовкой к концу света.

Уж не знаю, виновато ли его новое увлечение или что-то еще, однако за два года, что мы не виделись, Джефферсон заметно изменился. Он всегда был самым нелюдимым из компании, а теперь превратился в настоящего дикаря. На этих каникулах нам удалось поболтать от силы пару раз; такое впечатление, что он предпочел бы оказаться сейчас где угодно, только не с нами.

Впрочем, если родители и заметили, что мы переросли групповой отдых, то решили сей факт игнорировать. Сами они казались вполне спокойными и довольными, как обычно. Ну, кроме моих.

— Ладно, надеюсь, неделю продержимся, — вздыхает Онор. — К тому же о самом сложном, типа жилища и еды, позаботится гид. Нам, наверное, просто придется стругать копыя из палок и бить ими рыбу.

— Я закинула в рюкзак чипсы. К черту все эти консервы, которые полагается брать с собой. Я...

Меня прерывает отчетливое шлепанье сланцев по плитке — из-за пальм выходят двое незнакомых парней. По виду — наши соотечественники. Один пониже, примерно нашего возраста, с пирсингом в носу, а другой на пару лет старше. У обоих голубые глаза, светлые волосы ежиком и вытянутые скуластые лица — наверняка братья. Они приближаются к нам вальжной походкой. Оноп тоже на них оборачивается, отбросив за спину мокрые волосы.

— Приветики, девчонки! — Младший мельком оглядывает меня и, явно не впечатленный, впиивается взглядом в Оноп, затем плюхается рядом с ней. Старший за его спиной ухмыляется. — Как делишки?

Оноп отворачивается от нежелательной компании и встревоженно вглядывается в бар под пальмами.

— Черт, — выдыхает старший, опускаясь на стул рядом со мной, — ты в этом не запарилась?

В отличие от меня, закутанной с головы до пят — в кофточке с длинным рукавом, льняных штанах и шлепанцах, — он в одних плавках и босиком.

— Нет, — сухо отвечаю я, несмотря на то что одежда уже прилипла к спине от пота.

— Ну-ну. — С широкой улыбкой он откидывается на спинку стула, тем самым закрывая мне обзор на Оноп с другим парнем. — Кстати, я Джек, а это мой брат Джош.

— Угу.

Он смеется.

— Да ты прям болтушка. Вы тут давно?

— Достаточно. — Я бросаю на парня подчеркнuto холодный взгляд. Его намерения предельно ясны — отвлечь меня, пока брат подкатывает к Онор. Отклонившись на стуле, я вижу, что коротышка уже по-собственнически положил руку своей жертве на плечо. Она улыбается, однако улыбка очевидно фальшивая — такой обычно вежливо дают собеседнику понять, что он переходит границы. Онор пытается сбросить его руку, однако наглый ухажер лишь крепче прижимает ее к себе. На противоположной стороне бассейна Мэг куда-то исчезла, а Джефферс по-прежнему не поднимает носа от книги.

— Эй! — восклицает Онор, отворачиваясь от Джоша, который попытался ее поцеловать. — Хватит уже! У меня есть парень.

— Мы тут услышали обрывки вашей беседы, — говорит старший, Джек, разворачивая ко мне свой стул. — Вы собираетесь завтра в какую-то поездку?

Я полностью игнорирую вопрос. Джош теперь тянет свои грязные лапы к лицу Онор и поворачивает к себе. Его другая рука уже опустилась ей на спину, пальцы поглаживают тонкую материю купальника. Я отчаянно щипаю единственный нетронутый клочок кожи на запястье, однако тугой комок в груди не рассасывается. Мне нисколько не хочется вмешиваться, но кто-то же должен остановить этот кошмар.

— Эй! — возражает Джек, когда я встаю и продвигаюсь к бортику бассейна, таща металлический стул за собой, как панцирь. — Твою ж... че у тебя с руками?..

— Привет, — холодно говорю я Джошу, который убирает ладонь от лица Онор и опускает на плитку,

изображая невозмутимость — весь из себя крутой и расслабленный: «Гляньте, какой я классный, тусуюсь ночью у бассейна». Однако рука почти сразу возвращается на плечо Онор, удерживая ее рядом.

— Зачем ты стул притащила? — спрашивает он у меня. — Хочешь научить его плавать?

Сзади раздается смех Джека.

— Нет, — отвечаю я, холодно глядя на него сверху вниз. — Просто решила к вам присоединиться. В тесноте да не в обиде, правда?

Он поднимает на меня недоуменный взгляд, а я опускаю стул металлической ножкой на его ладонь и сажусь — раздается удивленный вскрик, переходящий в вопль боли. Джош тут же отталкивает Онор и хватается за ножку стула, пытаясь вытащить ладонь, только я слишком сильно давлю на него своей массой. Он опять вскидывает на меня взгляд, и я с удовлетворением замечаю в нем такой же страх, какой отражался на лице Онор минуту назад. Время словно останавливается на невыразимо долгое мгновение, потом сзади раздается скрежет стула, яростный крик Джека, меня сильно толкают в спину, и я лечу вперед. Нет времени сориентироваться, остается только задержать дыхание и нырнуть в стремительно приближающиеся огни на поверхности бассейна. Перед тем как уши заполняет вода, я успеваю услышать одно слово.

Слово, очень похожее на «чокнутая».

Дэнни

Первый день на острове

У Дэнни Армстронга были смешанные чувства по отношению к Джесси Харпер. С одной стороны, он благодарен ей за спасение Онор от домогательств того мерзкого типа, а с другой, от необходимости провести с ней целую неделю на острове ему не по себе. Конечно, с ними будут остальные ребята, да еще и гид, но тем не менее...

В начале каникул общение в их компании всегда довольно натянутое. Может, они и самые давние друзья, но теперь живут в разных городах, поэтому между летними каникулами почти не видятся (не считая Онор, которая живет в соседнем от Дэнни городе). Впрочем, все довольно быстро осваиваются, шутят, — и вот уже кажется, что и не расставались вовсе.

Только Джесси до сих пор не расслабилась. Она такая напряженная и зажатая, что даже Дэнни начинает невольно нервничать. А ее вчерашний поступок со стулом? Раньше подобного точно бы не произошло. У нее в груди словно тикает бомба, го-

товая в любой момент взорваться. Дэнни это на-прягает. И, судя по всему, не его одного — остальные тоже ходят вокруг нее на цыпочках и даже не заикаются о ее покрытых шрамами руках.

Дэнни косится на нос моторной лодки, рассекающей кристально чистые воды. Джесси смотрит вперед в открытое море, ее каштановые волосы развеваются за спиной. Рядом с ней за рычагом управления сидит Ануман, их тайский гид. Они плывут уже не меньше часа и существенно отделились от материка.

Когда сегодня в шесть утра Дэнни притащился с рюкзаком на общий сбор в вестибюль отеля, Джесси там не было, и он предположил, что она застыдилась произошедшего накануне или же об этом узнали ее родители и запретили ей ехать.

Когда все произошло, они с Майло болтали в баре. Внезапно со стороны бассейна раздался мужской болезненный вскрик, за которым раздался голос Онор. Дэнни тут же вскочил, опрокинув стакан, и кинулся к своей девушке. Обогнув пальмы, он увидел Онор, сидящую у края бассейна, и у него кровь застыла в жилах. Чуть в стороне стояли двое незнакомых парней — один стонал от боли, прижимая к груди руку, другой склонился над ним, — а в дальнем углу из бассейна по лесенке вылезала Джесси, облепленная мокрой одеждой. Поднявшись, она невозмутимо направилась ко входу в отель, совершенно безразличная к шумихе вокруг — один из парней крикнул ей вслед нечто вроде: «Ты за это заплатишься!», — в то время как другой, помельче, просил вызвать врача. Дэнни подлетел к Онор и обнял ее, а по дороге

к ресепшену пытался выведать, что, черт возьми, произошло, однако та от слез не могла и слова выговорить. Только в номере, когда мама Онор укутала ее в одеяло, та наконец сумела рассказать о произошедшем. Дэнни немедленно кинулся обратно к бассейну — но никого уже не застал.

Потом он полночи проворочался, не в состоянии заснуть из-за бурлящей внутри ярости — как этот урод посмел коснуться Онор своими грязными лапами! Дэнни готов придушить его голыми руками при следующей встрече.

— О боже! — Внезапный возглас Мэг выдергивает его из мыслей. — Это что, кальмар? — Она указывает на всплески сбоку от лодки. — Какой гигантский!

— Не трогай! — кричит Майло, когда Мэг тянет руку к воде. — Это медуза. Помнишь, Том наступил на такую в Корнуолле и у него так распухла нога, что пришлось везти его в больницу?

При упоминании Тома у Дэнни перехватывает дыхание. Повисает напряженная тишина; все смотрят на Джесси — ждут ее реакции. Однако та молчит, не отрывая взгляда от горизонта, только на щеках играют желваки. Напряжение становится невыносимым, и Дэнни отчаянно ищет способ разрядить обстановку. На ум приходит лишь одно:

— Джефферс, тебе во всем этом не жарко?

В отличие от остальных, одетых по-летнему, Джефферс напялил на себя полную экипировку, словно собрался на войну в пустыне, — армейские штаны и ботинки, дутую жилетку и кепку, на носу громоздятся солнцезащитные очки, а на сиденье рядом лежит походный рюкзак.

— Нисколько, — отвечает он. — Мое снаряжение либо облегченное, либо дышащее, либо впитывающее пот.

Дэнни безнадежно качает головой. Джефферсон не всегда был таким чудачком; да, он был бестактным и бесчувственным, но не странным. Прошлым летом он приехал на каникулы в Норфолк совсем другим человеком и постоянно трещал о новых друзьях, с которыми познакомился по интернету и которые, по его заверениям, открыли ему глаза на то, в какой мы все окажемся жопе, когда на нас обрушатся природные катаклизмы, закончатся запасы горючего, разразится война или террористы захватят мир, и насколько важно ко всему этому тщательно подготовиться. Сам же Дэнни пользовался интернетом в основном для просмотра порно — хотя и не горел желанием признаваться в этом в присутствии своей девушки.

— Прибыли! — сообщает Ануман, когда лодка со скрипом замедляется и садится на мель.

Дэнни удивленно оглядывается: перед ним белый пляж с высокими пальмами, за которыми начинаются густые джунгли и высятся скалы, на опушке с ветки на ветку перепрыгивают макаки. Вид захватывает дух — просто рай на земле.

Они прибыли на единственный у берегов Таиланда частный остров — Ко Кафайфэй. Когда утром на общий сбор наконец заявила Джесси — в солнечных очках и низко надвинутой на лицо шляпой с широкими полями, — Ануман сказал: «Мы отправляемся на остров приключений. Не многим выпадает шанс там побывать. Вы счастливички».

«Ага, счастливики, — с усмешкой думает Дэнни, наблюдая за гидом, который спрыгивает с лодки в сияющую, прозрачную воду, — скорее богачи». Поездка в Таиланд на данный момент самая экзотическая (и дорогая) из всех групповых поездок, с тех пор как родители двойняшек впервые предложили съездить вместе в Корнуолл, когда детям не было и года. Дэнни не знает, чем именно занимается отец Джефферсона — чем-то связанным с банковским делом и инвестициями, — однако зарабатывает он, очевидно, весьма неплохо, раз может позволить себе на неделю арендовать целый остров и нанять специалиста по выживанию в диких условиях в качестве подарка на семнадцатый день рождения Джефферсона.

Услышав о планах остальных на эти каникулы, папа Дэнни побледнел — в отличие от отца Джефферса, он далеко не богат. Он фрилансер-звукооператор, поэтому с работой то густо, то пусто. Дэнни ужасно раздражает постоянный напряг отца из-за денег, поэтому он сразу сказал, что не очень-то и хочет ехать в Таиланд. Однако позже Онор отправил ему аудиосообщение, в котором так воодушевленно щебетала о предстоящей поездке, что у него в груди встал ком. Они с Онор не расставались надолго с тех самых пор, как начали встречаться на его пятнадцатый день рождения, и одна лишь мысль не видеться с ней целые две недели казалась невыносимой. Тогда Дэнни предложил отцу помочь заработать на поездку — после школы или по выходным будет мыть посуду в местной кафешке. Однако работать не пришлось: отцу предложили концертный тур, из-за которого он не мог поехать

на отдых, поэтому мама Онор пригласила Дэнни присоединиться к ним. Разумеется, спать придется на диване, тем не менее не надо расставаться со своей девушкой и платить нужно только за билеты.

Дэнни крепче обнимает Онор, когда Джефферс встает, раскачивая лодку, и прыгает в воду, высоко поднимая рюкзак. Вслед за ним встает Мэг, прижимая свои вещи к груди, и тревожно вглядывается в море.

— Держите рюкзак над головой, как будете прыгать! — кричит Джефферс. — Чтобы не намочить.

— Да ладно, кэп! — фыркает Дэнни и оборачивается на Онор, надеясь поймать ее улыбку, однако на ее лице весьма странное, отсутствующее выражение. — Эй, — он подталкивает ее локтем, — все хорошо? Ты же с нетерпением ждала этой поездки.

Она неестественно, фальшиво улыбается.

— Хорошо.

— Ты из-за вчерашнего расстроена? — Дэнни чувствует свою вину за случившееся — не следовало оставлять Онор одну. Он стискивает зубы — на острове с ней точно ничего не случится, уж он-то об этом позаботится.

Прежде чем Онор успевает ответить, в воду шумно плюхается Мэг, за ней следом прыгает Майло и, обернувшись, подает руку Джесси, однако та качает головой и, передав ему свои вещи, самостоятельно слазит с лодки.

— Эй, Джефферс! — кричит Дэнни. Тот мечется вокруг Анумана, как муха, пытаясь помочь с веревкой, крепящейся к носу лодки. — Может, возьмешь вещи девчонок, вместо того чтобы изображать из

себя крутого? По-моему, у тебя неверно расставлены приоритеты.

Онор вырывается из его объятий и что-то недовольно бубнит.

— Прости, не расслышал?

Она вскидывает на Дэнни дерзкий взгляд.

— Оставь его в покое!

Дэнни недоуменно приподнимает брови. Ему всегда было сложно определить, когда Онор всерьез на него злится, а когда притворяется: она умеет мгновенно переключать эмоции — собственно, это и делает ее прекрасной актрисой. Он однажды ходил на ее школьный спектакль в Брайтоне и поразился, с какой легкостью она преобразается в совершенно другого человека. Она хочет поступать в театральные, только не уверена в своих способностях. Дэнни как раз совершенно уверен.

— Я серьезно, — говорит Онор. — Хватит тебе уже...

Конец предложения тонет в шуме брызг и ветра, когда она спрыгивает с лодки, оставляя Дэнни с вещами позади.

Джесси

В жизни не видела более красивого места! Приплыв к острову, мы словно очутились на другой планете. Впереди раскинулась простыня белого пляжа, зажатая между высокими скалами из известняка и окутанная зеленью. Я бреду по мягчайшему песку, под нежный шум волн, навстречу джунглям, наполненным стрекотанием цикад, разноголосым пением птиц и пронзительными криками обезьянок. Просто рай. Однако идиллию нарушают пришельцы — мы.

С самого прибытия Джефферсон вертится вокруг Анумана, комментируя каждое действие и предлагая свои «ценные» советы. Этим он занимается и сейчас, когда Ануман показывает нам, какие деревья рубить для хижины.

— А эти лучше не трогать, да? — спрашивает Джефферсон, положив ладонь на ствол одного из деревьев, а свободной рукой держа книгу и неловко перелистывая страницы. — Кажется, май ньянг? Термиты их обожают, да, Ануман?

— Верно, — терпеливо кивает тот и жестом велит нам следовать за ним в глубь джунглей.

По пути на остров гид упоминал, что ему шестьдесят, однако, несмотря на сморщенное, как печеное яблоко, лицо, он довольно крепок и бодр — я бы не дала ему больше сорока.

Онор рядом со мной внимательно вглядывается в землю, прежде чем сделать очередной шаг.

— Тут полно пауков, — объясняет она, заметив мой взгляд. — Тарантулы, черные вдовы, гигантские круглопряды и пауки-охотники, — проговаривает она каждое название так, будто читает заклинание, их отпугивающее.

Лично я довольно спокойно отношусь к паукам, однако при этих словах даже меня передергивает. Уверена, в Таиланде водятся и змеи, и бог весть что еще. На территории отеля мне повстречалась парочка напуганных гекконов и какие-то диковинные птички. Вот только сейчас мы далеко от вычищенной, безопасной цивилизации, так что живности здесь гораздо больше.

— Не переживайте, — обращивается к нам Джефферсон. — Пауки тут не смертоносные, могут только больно укусить. Хотя, если не обработать укус, можно занести инфекцию.

— Ну спасибо, — бормочет Онор. — Очень обнадеживает.

Идущий позади с двойняшками Дэнни смеется неестественным смехом. Уж не знаю, что сегодня произошло с влюбленными, но когда Онор выпрыгнула из лодки, он казался раздраженным. И теперь они ведут себя странно и не сюсюкаются, как обычно. Возможно, дело во вчерашнем инциденте. Мне остается лишь гадать, поскольку со мной никто не заговаривал о случившемся, кроме

Дэнни, который пробормотал утром: «Спасибо, что заступилась за нее».

— Дальбергия кочинчиненсис, — внезапно громко сообщает Джефферсон, указывая на хиленький росток. — Тайское розовое дерево. Его нельзя трогать, оно занесено в Красную книгу.

— Да, верно, — кивает Ануман. Если наш гид и раздражен поведением своего подопечного, то умело это скрывает. Затем он кладет ладонь на ствол дерева шириной с мою ногу. — Вот что нам нужно.

— А это... — начинает Джефферсон, однако тут мимо нас с Онор стремительно протискивается Мэг и дает ему подзатыльника. — Ай!

— Джефферс, ну серьезно! Ты всю неделю собираешься себя так вести?

— Как вести? — переспрашивает тот, удивленно округлив глаза.

— Умничать! Ануман профессионал, хватит уже его доставать!

— Да я только... — Джефферсон опускает плечи.

Меня охватывает жалость, которая тут же сменяется злостью.

Утром я проснулась спокойная и совершенно безразличная ко всему, словно ничего на свете не способно меня задеть. А потом призналась маме, что не очень-то хочу ехать на остров, и она сбросила на меня эмоциональную бомбу: «Том был бы счастлив такой возможности. Не отказывайся, Джессика».

Том. Т-о-м. Эти три буквы — мой криптонит, моя ахиллесова пята.

«Мам, не надо...» — попросила я. «Ну же, съезди! Ради Тома», — не унималась она.

Мне хотелось закричать: «Можно подумать, я чувствую себя недостаточно виноватой!»

— Джесси? — Резкий шлепок по плечу возвращает меня на знойную землю, припорошенную листвой. — Все нормально?

Майло озабоченно глядит на меня сверху вниз, его темные брови сошлись на переносице.

— Ты внезапно издала странный звук, — объясняет он.

Остальные тоже пялятся на меня. Божечки, что я произнесла-то?

— Нормально, просто... эм...

На помощь приходит громкий стук мачете, вонзившегося в ствол дерева, — Ануман начинает рубить. Минуту спустя дерево с громким хрустом падает на землю, и гид передает мачете Джефферсу — тот счастлив так, будто ему подарили пожизненную подписку на ежемесячную доставку наборов для похода. Час спустя, насквозь промокшие от пота и запыхавшиеся, мы волочим срубленные стволы к пляжу.

— Лагерь разобьем здесь. — Ануман указывает на небольшую полянку под деревьями. — Недалеко водопад с чистой водой и источники пищи. — Он кивает наверх, где высоко над нашими головами висят кокосы, а на соседних деревьях — спелые манго кораллового цвета и гроздь зеленых бананов.

— Потрясно! — счастливо выдыхает Онор, и с ней сложно не согласиться. Теперь, оказавшись в джунглях, наполненных трелями птичек и криками обезьянок, я содрагаюсь при воспоминании, что чуть было не отказалась от фантастического путе-

шествия. Здесь просто волшебно, аж дух захватывает.

— Только вон те не ешьте, — говорит Джефферсон, показывая на дерево рядом с пляжем, на котором растут забавные плоды, похожие на желтые яблоки с зелеными какашками снизу. — Это кешью. — Заметив наши по-прежнему ничего не понимающие физиономии, он поясняет: — Они ядовитые, пока не созреют.

— Верно, — кивает Ануман. — Я вам позже расскажу, что можно есть, а что нельзя. Сейчас займемся лагерем и разведем костер.

Примерно час мы работаем с энтузиазмом, болтаем и перебрасываемся шутками, вбивая в землю колья, а также сплетая крышу из банановых листьев. Однако потом Ануман сообщает, что надо соорудить вторую хижину — для готовки и хранения еды. Сразу же сыплются отговорки — у Онор заноза, Дэнни кажется, что у него солнечный удар, а у Мэг болит спина. Я с завистью наблюдаю за тем, как они идут к морю, стягивают с себя потную одежду и ныряют в кристально чистую лазурную воду.

— Можешь тоже окунуться, — говорит Майло, оглядываясь на меня. — Мы справимся и вдвоем, верно, Джефферс?

Тот отрывает взгляд от дерева, которое пилит с мрачным упорством.

— Конечно. Отдохни, Джесси.

Я провожу пальцами по лбу, затем по волосам — я вся мокрая. В бриджах и льняной кофточке с длинными рукавами ужасно жарко. Представляю,

как приятно было бы все это с себя стянуть и окунуться в прохладную воду.

— Джесс, — тише добавляет Майло, наклонившись ко мне, — тебе нечего стесняться, тут все свои.

— Я не стесняюсь! Просто не хочу плавать, и все.

Бросив на него суровый взгляд и сердито фыркнув, я уношусь в джунгли. К глазам подступают горячие слезы.

«Догони меня», — мысленно умоляю я, уходя все дальше. Внутри бурлит раздражение, тем не менее я не забываю смотреть под ноги, чтобы не наступить на змей или пауков. Разумеется, он за мной не последует — у него ведь нет суперспособности читать мысли. Глупо было надеяться.

Хуже всего, что Майло прав — я стесняюсь. Он это понимает, я понимаю, остальные понимают. С начала каникул мама постоянно цепляется ко мне по поводу одежды, заверяя, будто мои ожоги можно разглядеть, только если стоять совсем рядом, а в воде так и вообще я ничем не буду отличаться от остальных. Тем не менее я не могу себя пересилить — боюсь реакции ребят: Дэнни будет тарашиться, Онор округлит свои невинные голубые глазки, а Майло придет в ужас. Однако больше всего я боюсь сочувствия и неловкого молчания. Боюсь, что отныне они будут видеть не меня, а произошедшее со мной. Мне хочется заговорить обо всем прямо и пресечь всю эту хрень — напряжение, обеспокоенные взгляды и гнетущую тишину при упоминании Тома. Хочется усадить их всех перед собой и рассказать о том, как все было. Только я не в силах. Одна лишь мысль приводит меня в ужас. Кажется, если хоть немного приоткрыть крыш-

ку над котлом с чувствами, то больше никогда не удастся ее закрыть.

По щекам катятся две крупные слезинки — слезы жалости к самой себе. Я останавливаюсь и пытаюсь подавить рыдания. Внутри бушует неконтролируемый ураган эмоций.

— Хватит, Джесси, — громко веляю я себе.

Высоко в деревьях над головой раздается вопль, от которого душа уходит в пятки. Какого черта?!

Я непроизвольно вскидываю руки к груди и задираю голову... Макака! Серо-бурая, с острыми ушами и вытянутой мрачной физиономией, прижимающая к животу малыша, она перепрыгивает с одного дерева на другое. Когда она хватается за ветку, раздается хлопанье крыльев, и в небо взмывает с десяток цветных птичек. Вид настолько прекрасный и захватывающий дух, что я тут же забываю о своих волнениях.

Прикосновение к спине заставляет меня подпрыгнуть — это Джефферс, в низко опущенной на лоб кепке и с топором, перекинутым через плечо.

— Опасно одной ходить по джунглям.

— Знаю, просто... — Не найдя оправдания, я поворачиваюсь и возвращаюсь в лагерь тем же путем, что пришла. Джефферсон следует за мной и вновь стучит по спине.

— Джесси... — Он пристально смотрит на меня. — Наверное, не стоит говорить, просто... Тебе лучше держаться подальше от Майло.

— Чего? — Я удивленно вскидываю брови. Джефферс в принципе не любитель бесед на личные темы, к тому же он никогда раньше не заговаривал о нашей с Майло дружбе. В детстве эти двое

были не разлей вода, да и теперь неплохо ладят, хотя уже не так близки. — В каком смысле?

— Знаю, он тебе нравится, но ничем хорошим это не закончится.

Я даже не нахожусь с ответом. Все в курсе наших с Майло запутанных отношений. Сперва он влюбился в меня в двенадцать лет, однако я считала его противным — он был высоким и нескладным, с проблемной кожей, помешанным на компьютерных играх и идиотским чувством юмора. На следующий год он стал спокойнее и сдержаннее, его скрытность интриговала, и я поменяла свое мнение — только на этот раз ему уже не было до меня дела, — по словам Мэг, он с ума сходил по своей однокласснице. А следующим летом я встречалась с одним парнем со школы. Мы с Майло не столько несчастные влюбленные, сколько две планеты из разных галактик.

— Почему ты так думаешь? — кричу я Джефферсону вслед, однако тот уже растворился в густой изумрудной растительности.

Дэнни

Дэнни сосредоточенно орудует кремнем и кресалом, и наконец от вылетевшей искры занимают волокна кокосового ореха.

— Дуй осторожнее, — предупреждает Ануман. — Если переусердствовать, пламя затухнет.

«Ну же, давай!» — мысленно умоляет Дэнни. Если не считать Джефферсона, у него первого получилось разжечь огонь, и он чувствует на себе завистливые взгляды остальных, которые наверняка надеются, что он все испортит.

— Да, вот так, — приговаривает Ануман, когда пламя набирает силу.

Дэнни бросает на Онор победоносный взгляд и осторожно кладет крошечный костер на кучу палок и хвороста, которую они сложили между двумя хижинами.

— Молодчина! — хвалит его Джефферс, хлопнув по спине.

Дэнни упивается достигнутым успехом.

— Гордишься мной? — Он обнимает Онор за плечи, притягивая к себе.

— Ага, — бормочет она и подставляет лицо для поцелуя.

Солнце медленно окунается в море, окрашивая небо в оранжевые полосы. Жизнь прекрасна.

Дэнни засовывает пальцы в стальную миску и с недовольной гримасой кладет в рот кусочек горячей, только что приготовленной рыбы — в ней множество костей, и каждый раз, когда он вытаскивает изо рта кость, к горлу подступает тошнота. Остальные тоже поедают рыбу, только с гораздо большим аппетитом; одобрительное мычание перекрывает потрескивание костра. Пространство освещается двумя факелами по краям лагеря, которые Ануман соорудил из кокосовой скорлупы, насаженной на тонкие стволы деревьев. Настроение Дэнни портит лишь то, что ему самому не удалось поймать на ужин ни одной рыбки. Почти все рыбачили на камнях у скалы с самодельными удочками целую вечность, однако с нулевым успехом — только пару раз дернулся поплавок. К счастью, положение спас Ануман с сетью — они с Джефферсоном вышли на лодке в море и вернулись с добычей, достаточной для целого пира.

— О, я вспомнил одну историю, — говорит Дэнни, проглотив рыбу. — Вы слышали про автостопщика и...

— Да! — стонут все разом.

Они начали рассказывать истории про призраков, еще когда Ануман только подвесил над костром нанизанную на шампуры из веток рыбу.

— О, у меня идея! — восклицает Онор. — Давайте расскажем о самых пугающих событиях в жизни.

— Разве истории о привидениях не то же самое? — спрашивает Мэг.

— Ну, нет! Можно ведь бояться не только привидений, — подключается к разговору Джесси. В отличие от Дэнни, который сидит так близко к огню, что у него горят щеки, она расположилась подальше, почти у входа в хижину для сна.

— Можно прогуляться по джунглям, — предлагает Майло, на что тут же возражает Джефферсон. Стоит ему произнести слово «опасно», как остальные разом его освистывают и начинают смеяться. К смеху присоединяется даже Ануман, сидящий в отдалении, под светом факела у хижины для еды, и перебирающий вещи в своей сумке.

— Тогда о чем теперь поговорим?

Тут же сыплются предложения, все друг друга перебивают, и среди общего гомона раздается громкий и четкий голос Онор:

— Давайте расскажем о наших фобиях!

— Серьезно? — Мэг, сидящая сбоку от Дэнни, прижав колени к груди, драматично передергивает плечами. — На этом чертовом острове их полный комплект!

Все вновь смеются.

— Бросьте, будет весело, — принимается уговаривать Онор. — Мы узнаем, кто из нас самый ненормальный. — Она выдерживает паузу, затем продолжает: — Джефферс?

Опять раздается дружный хохот, даже Джефферсон не остается в стороне.

— Ладно, — отсмеявшись, пожимает он плечами. — Я боюсь высоты.

— Неправда! — фыркает Дэнни. — Я сидел рядом с тобой в самолете, и ты прекрасно себя чувствовал.

— Не такой высоты. В кресле металлической коробки мне не страшно. Что нагоняет на меня жуть, так это обрывистые склоны. Стоя на краю, мне так и хочется податься вперед, в пропасть.

— Что же тебя останавливает? — усмехается Майло. В его словах нет злобы, как и в их смехе. Это лишь дружеские подколы, естественные в кругу тех, кто знаком в буквальном смысле с пеленок.

— Представь, если бы у тебя был страх высоты, — отвечает ему Джефферс, — ты бы пугался каждый раз, когда вставал!

— Высота мне нипочем. — Майло вытягивает длинные ноги к огню. — Другое дело змеи... — Он оглядывается на сидящую рядом сестру. — А виновата, между прочим, ты! Когда нам было четыре, ты засунула мне во сне червяка в рот!

— Не было такого! Тебе приснилось!

— А вот и нет!

— Ладно, ладно. — Онор выставляет перед собой ладони, останавливая двойняшек. — Хватит препираться, или я вас обоих отправлю на боковую!.. Джесси, а у тебя какая фобия?

Воцаряется неловкое молчание, все выжидающе глядят на Джесси.

— Я следующая, — быстро вставляет Мэг. — Я боюсь...

— Нет, все нормально. — Голос Джесси обрезает ее фразу, как ножом. — Признаться честно, я боюсь рвоты. Вот так вот.

Все молчат.

— Серьезно, — продолжает Джесси. — Не выношу ее запах, звуки, которые издают люди, когда их тошнит, и как вздрагивают их плечи. Я до смерти боюсь, как бы меня саму не тошнило. Я однажды отравилась несвежими креветками и с тех пор их не ем уже года три.

Наконец от неловкости оправляется Джефферс и замечает:

— Ну, это понятно, рвота воняет! А я рассказывал вам о том случае, когда меня стошнило...

— Рассказывал! — Онор опять выставляет перед собой ладони, останавливая его. — Повторять не надо!

Опять раздается смех, и у Дэнни медленно расслабляются мышцы плеч. Джефферсон, может, и раздражает своим занудством, но в кои-то веки его история пришлась к месту и разрядила обстановку. Все собравшиеся у костра понимают, что Джесси соврала про свою фобию. Когда ранее Ануман спросил, кто хочет попробовать разжечь огонь с помощью огнива, она тут же нашла предлог сбежать, — отправилась на пляж искать полезный мусор, прибитый волнами.

Родители им всем рассказали о произошедшем прошлым летом, и они обсуждали это в отдельной «Вотсап»-группе. Однако с начала отдыха Джесси еще ни разу не заговорила о случившемся, и ни у кого из них не хватало смелости самим поднять тему.

Дэнни вспоминает, как семья Джесси впервые появилась в вестибюле отеля: ее родители стояли рядом, а Джесси — в отдалении, таким образом в пустое пространство между ними можно было

бы вместить еще одного человека. Ее старший брат и так несколько лет отказывался ездить с ними на совместные каникулы, оставаясь дома, и все же он всегда присутствовал в мыслях Дэнни, в его ментальном альбоме воспоминаний — вот Том сидит во главе детского столика, как самый старший, вот решительно плывет к буйкам, хотя приближаться к ним было строго запрещено, вот смеется над Дэнни и дразнит «малышом», потому что тот боится кататься на тарзанке. И тогда, в вестибюле отеля Дэнни долго пялился на пустоту, которую уже никогда ничего не заполнит.

— Так вот, — вздыхает Мэг. — Я боюсь крови. Меня прямо мутит от ее вида. Онор?

Дэнни бросает взгляд на свою девушку; он знает о ее фобии, а она — о его. Они уже обсуждали эту тему.

— Не скажу, — нервно смеется та. — Один из вас, засранцев, обязательно попытается меня напугать.

— Мы не будем! — обещает Джефферс.

— А я бы попытался, — улыбается Майло.

— Даже не смей! — отвечает Онор, и Дэнни улавливает кокетливые нотки в ее голосе.

— Никто не будет пытаться, — угрожающе говорит он.

— Да я пошутил! — бросает Майло, приподнятая бровь.

— Смотри мне, — мрачно бурчит Дэнни.

— Ты серьезно? — Онор кидает на него недовольный взгляд. — Опять за свое?

— Не я начал!

— А кто, я?

Дэнни жеманно склоняет голову и притворяется, будто отбрасывает за спину длинные волосы.

— Даже не смей! — пародирует он.

— Дэн... — Мэг, вырисовывающая узоры на песке, поднимает на него взгляд. — Хватит.

— Ага, давайте уже закончим эту игру, — говорит Джесси. — Мне скучно.

— Ну извините, что я такая неинтересная, — раздраженно бросает Онор. — Я пыталась признаться в своей фобии, но кое-кто не дает мне сказать. Короче, я боюсь пауков. Все, отчиталась.

Она поднимает перед собой ладони, затем скрещивает руки на груди и устремляет мрачный взгляд в костер. Нынче Дэнни не поспекает за переменами ее настроения. То она игривая и веселая, то угрюмая и раздраженная. Наверно, не следовало высмеивать ее кокетство. Просто раньше она ни с кем из их компании не заигрывала, и Дэнни немного вышел из себя. Надо будет поговорить с ней наедине, выяснить, в чем дело.

— Дэнни, Дэнни, Дэн! Эй, Дэн, ты заснул?

Он резко поворачивает голову к Мэг, пытающейся докричаться до него с противоположной стороны костра.

— Твоя очередь. Ты последний.

— Хорошо, раз надо... — Он фальшиво смеется. — Я ужасно боюсь замкнутых пространств, потому что однажды в детстве застрял в ведре. Давайте, можете теперь смеяться.

Друзья так и поступают. Кроме Онор, которая подозрительно на него косится. Она знает, что Джесси не единственная солгала про свой страх — он тоже.

Джесси

Дэнни с Онор ругаются, хотя и пытаются это скрыть, переходя на низкое шипение, как часто делают родители передо мной. Тем не менее вспышки костра освещают их раздраженные лица. В чем причина ссоры, не знаю. По-моему, все началось после разговора о фобиях. Кстати, та еще выдалась игра. Я могла бы и правду сказать, просто не хотелось портить веселье: все бы неловко замолчали и сидели с печальными физиономиями. Впрочем, молчания избежать не удалось. К счастью, ситуацию спас Джефферс со своей историей про рвоту. Дэнни его недолюбливает — между ними всегда чувствуется некоторое напряжение, — тем не менее он умный и откровенный. К тому же более чуткий, чем показывает: он вставил свою историю не просто потому, что хотел ей поделиться, а в попытке развеять неловкость.

Вокруг темень, хоть глаз выколи, море превратилось в атласную простыню, переливающуюся под лунным светом. Птицы замолкли, только еще перекрикиваются обезьянки, к тому же из тьмы раздаются и другие звуки — хруст, тихий свист, гудение. Меня сейчас ни под каким предлогом не затащишь

в джунгли. Да и Майло время от времени вздрагивает и резко оборачивается, словно боится, что из-за деревьев в любой момент может выползти гигантский питон.

На самом деле его фобия меня удивила — я ожидала чего-то вроде глубины или быть похороненным заживо, но точно не змей. Может, не так уж хорошо я его знаю, как мне кажется? Наверное, не зря Джефферс предупреждал меня о Майло — собственных интересов у него вроде нет. Когда нам было по пятнадцать, во время поездки на южное побережье Англии, в Кройд, Джефферс совершил каминг-аут, который удивил остальных парней, только не девочек. Мы тут же кинулись его обнимать, а парни воздержались, и я испугалась, что теперь отношения в нашей компании станут напряженными. Однако затем Майло бросил какую-то шутку, Джефферс дал ему подзатыльник, мы рассмеялись, и все вновь стало на свои места.

В то же лето начали встречаться Дэнни с Онор — их отношения были лишь вопросом времени: в групповых чатах они постоянно флиртовали, а Дэнни без стеснения оставлял хвалебные комментарии под постами Онор в «Инстаграме». У него, несомненно, были чувства к ней. Тогда я решила взять ситуацию в свои руки и напрямую спросила Онор о ее отношении к Дэнни, и она призналась в своей симпатии к нему. Оставалось только их свести — мы с остальными ребятами сделали это самым бесхитростным образом. В день рождения Дэнни Майло предложил всем сходить на пляж полюбоваться закатом, а там мы один за другим начали расходиться под разными предложениями, пока

Дэнни с Онор не остались одни. При следующей встрече они уже держались за руки и бесили нас глупыми улыбками.

Теперь они не улыбаются. Они уже не скрывают ссоры, и звонкий голос Онор пронзает густой гул джунглей, как нож.

— Дэнни! — Она выскальзывает из его объятий и раздраженно взмахивает руками. — Я последние два часа сидела у тебя под боком, это, что ли, называется «холодная»?

— Ты почти ко мне не прикасаешься!

— Ох, ну извини, видимо, я как-то забыла о правиле, что мы обязаны держаться за ручки двадцать четыре часа в сутки!

— Нет, ты забыла о правиле, что нельзя кокетничать с другими!

— С кем?! — Онор возмущенно вскакивает на ноги, ее лицо искажено злостью. — С кем это я кокетничала? С Ануманом? Джефферсом? — Она бросает взгляд на нашу компанию у костра. — С Майло? Ты на полном серьезе утверждаешь, будто я кокетничала с Майло?

Тот удивленно приподнимает брови. Может, поэтому Джефферс меня предостерегал? Между Майло и Онор что-то есть?

— Сядь! — Дэнни хватается за свою девушку за запястье. — Ты слишком остро реагируешь.

— Это я-то? Это ты начал ныть на пустом месте! — Она вырывает руку и оборачивается к нам за поддержкой: — Разве нет, ребята? Скажите, разве я не права?

Повисла неловкая тишина. Все словно воды в рот набрали. Мэг с Майло сидят, уставившись

в песок, а Джефферс сосредоточенно стругает деревяшку карманным ножичком. Понятно ведь, что влезать в любовную ссору и принимать чью-то сторону себе дороже. К утру голубки вновь помиряются и начнут ворковать.

— На фиг все это! — взрывается Онор. — Я сваливаю отсюда. Ануман, завтра с утра отвезешь меня обратно!

Гид бросает на нее унылый взгляд — ему тоже не хочется вмешиваться. Онор, не ожидая его ответа, уносится к пляжу, Дэнни бежит за ней, крича о том, что одну ее никуда не пустит.

Остальные уже спят, улегшись штабелем в хижине для сна; в спальнях мешках они похожи на ряд разноцветных червяков.

Первыми на боковую отправились двойняшки, почти сразу за ними последовал Джефферс. Ануман посоветовал и мне идти отдыхать, только я отказалась, заявив, что хочу еще посидеть. Пожав плечами, гид удалился в хижину для готовки и забрался в свой мешок.

Пару минут спустя показались силуэты бредущих обратно влюбленных — так далеко друг от друга, что между ними мог поместиться грузовик. Когда они приблизились к костру, я разглядела опухшие глаза Онора и темные дорожки от макияжа на щеках. Дэнни явно еще злился — брови сдвинуты на переносице, челюсти стиснуты. Ни один не удостоил меня и взглядом, проходя мимо. Дэнни улегся первым, выбрав место рядом с Джефферсом. Онор еще какое-то время простояла у палатки, спиной ко мне и прижимая к груди свой спальник, словно